

АКСИОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ В. ДАЛЯ)

В статье универсальная категория времени рассматривается как одна из составляющих русской языковой картины мира. На материале пословиц из сборника В. Даля анализируются представления русского народа о времени, народная оценка временных понятий. Лингвокультурологический аспект анализа позволяет обозначить место данной категории в русской культуре, в русском языковом сознании.

Ключевые слова: аксиология времени, лингвокультурологический аспект, народные пословицы, русское языковое сознание.

Юган Н. Л. Аксиологія часу: лінгвокультурологічний аспект (на матеріалі прислів'їв В. Даля). – Стаття.

У статті універсальна категорія часу розглядається як один зі складників російської мовленнєвої картини світу. На матеріалі прислів'їв зі збірки В. Даля аналізуються уявлення російського народу про час, народна оцінка часових понять. Лінгвокультурологічний аспект аналізу дозволяє показати місце цієї категорії в російській культурі, у російській мовній свідомості.

Ключові слова: аксиологія часу, лінгвокультурологічний аспект, народні прислів'я, російська мовна свідомість.

Yugan N. L. Estimation of the time: linguistic cultural aspect (on the material of the proverbs of V. Dale). – Article.

An universal category of the time is researched as one of the component of the Russian language World's picture in this article. Views Russian folk about the Time are analyzed on the material of the proverbs from V. Dale's collection, folk's estimation of the Time's concepts is presented. The linguistic cultural aspect allowed to mark this category in the Russian culture, in the Russian language consciousness.

Key words: estimation of the time, linguistic cultural aspect, folk proverbs, Russian language consciousness.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими заданиями. Физическое время аксиологически индифферентно и может быть предметом лишь научного познания, тогда как человеческое время гуманитарные науки не только познают, но и ценностно осмысливают. Объективно существующее время субъективно переживается людьми, и в национальной культуре складывается своё представление о времени. Именно осознание ценности времени становится одной из функций культуры, и каждый тип культуры делает это по-своему (об этом пишут А.Я. Гуревич, П.П. Гайденко и другие философы, историки, культурологи). Своеобразие восприятия, осмысления, оценки временных категорий находит непосредственное отражение в языковой системе и речевых формулах.

Субъективный характер наивно-языковой концептуализации времени наблюдается в особенностях естественно-языкового употребления темпоральных выражений («повременить», «проспать», «ожидание», «час настал», «миг удачи»). Аксиологичны и такие устойчивые словосочетания: «добрый час», «чёрный день», «лихая година», мифологические «бесовские ночи», «вороньи дни». Ориентированные на само время, знакомые модели («течение жизни», «линия судьбы») и движение природных веществ («вода бежит», «ветер несётся», «луна взошла») предстают образно, в виде метафоры. Качественное, ценностное осмысление времени, более полное и глубокое его толкование и менее однозначная оценка нашли выражение в речевых формулах, а также пословицах и поговорках как законченных высказываниях. Здесь аксиологический аспект категории вре-

мени получает также лингвокультурологическую интерпретацию.

Живя в определённое время, человек одновременно живёт в разных временах: астрономическом и астрологическом, историческом и возрастном, сакральном (мифическом, ритуальном) и профанном. В той или иной степени, пишет Н.Д. Арутюнова, они управляют жизнью человека: требуют согласования событий жизни (рождения, смерти), эмоциональных переживаний, социального поведения, исторических событий, цели человеческих действий [1, с. 12]. Широкий круг значений времени находим у В.И. Даля: астрономическое – время года, суток, погода, психологическое – рефлексия необратимости времени («время красит», «безвременье старит», «время летит» и т. п.), социологическое («время деньги дает», «пению время и молитве час») и т. д.

Анализ последних исследований и публикаций, на которые опирается автор, с указанием нерешённых частей общей проблемы, которым посвящена статья. Культурологический аспект аксиологии времени на материале пословиц и поговорок В.И. Даля не был предметом научного исследования.

Цель статьи – изучить паремиологический материал, собранный В.И. Далем, под таким углом зрения: аксиология времени (культурологический аспект).

Изложение основного материала исследования с обоснованием научных результатов. В народной традиции, устойчивых выражениях, оценочной лексике нашли отражение различные характеристики временных представлений: циклического и векторного восприятия времени («солнышко на закате», «время летит», «время

за нами», «время перед нами»); близость образа времени и образа жизни (связь времени с деторождением, сроком отёла); представление о времени как силе, то благоприятной («сила во времени»), то злой, но всегда движущейся, изменчивой. Например, «время» в смысле «пора» означало благоприятный, удобный, своевременный момент в развитии событий (хотя слово «пора», в отличие от «времени», и в славянской древней, и в современной темпоральных системах играет более скромную роль). Авторы этимологических словарей (А. Преображенский, М. Фасмер) также оговаривали значение «поры» как благоприятного времени, подчёркивая идею силы, идею жизни. «Не время дорого, пора», – читаем и у В.И. Даля. Интересно, что в его сборнике пословиц есть раздел, связанный с «порой» («Пора – мера – спех»), но нет такового со словом «время».

В традиционной народной культуре славян время оценивается строго полярно, только со знаком плюс или минус: оно может быть чистым, добрым, весёлым и нечистым, опасным, злым, печальным. Хорошее время приносит человеку здоровье, счастье, богатство, успех, а плохое – болезнь, неудачу, нужду, горе. Например, понимание праздника как опасного для людей разрыва границы между «тем» и «этим» миром составляло элемент языческой картины мира. День недели, на который пришёлся один из крупных неподвижных праздников, приобретал на целый год особую магическую силу. Семиотические исследования обычно используют совокупность противопоставлений (верх – низ, левый – правый, мужчина – женщина, свой – чужой, свет – тьма), которые особенно эффективно работают на архаичных культурах и образуют свой, специфический набор для каждой культуры. Интересно, что и разделы сборника пословиц В.И. Даля komponуются по такому же бинарному, оппозиционному принципу, в частности на тему времени: «Жизнь – смерть», «Былое – будущее», «Молодость – старость», «Начало – конец» и т. п. Кроме праздников, календарными ориентирами при выборе благоприятного дня в славянской культуре могли служить природные или жизненные события: первый день весны или прилёта птиц, первый гром, снег, иней, а также день рождения или смерти близких. Отсюда обилие магических действий, гаданий, предсказаний, приуроченных к наиболее важным датам календаря, «первому дню», началу (года, весны и т. п.): «Благослови бог почин!».

Народный календарь стал не только универсальным инструментом структурирования годового времени, фиксирующим лишь значимые для человека моменты и отрезки времени и придающим непрерывному природному времени характер дискретной ритуализованной системы (строгое чередование праздников и будней, постов и

мясоедов, «добрых» и «злых» дней и т. д.). В его формирование вплетались астрологические, эсхатологические, религиозные представления – так образовался и природно-погодный, и сезонно-трудовой, преимущественно сельскохозяйственный календарь. Свидетельством включения христианского календаря в ткань традиционной народной культуры является его аксиологическое осмысление в соответствии с общей мифологией времени в славянской культурной традиции, т. е. снабжение основных его единиц (дней недели, времени суток, праздников и т. п.) разного рода оценками. Например, такого рода оценки, приписывание качественного признака присутствуют в следующих определениях: понедельник «чёрный», понедельник и пятница – «тяжёлые» дни, вторник и суббота – «лёгкие», «сухие вторники» (для крестьянина это было важно). Образное толкование дней недели находим у В.И. Даля: «Понедельник – похмелье; вторник – потворник; среда – пост; четверг – перевал; пятница – не работница; суббота – уборка; воскресенье – гулянье». Каждому дню даётся своя оценка в соответствии с народными представлениями и культурными традициями. Сложились в народе и такие приметы, связанные со значением каждого дня недели: «В понедельник, среду и пяток никакого дела не начинай»; «В дорогу отъезжай во вторник либо в субботу»; «Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться»; «В пяток курицу на яйца не сажают: цыплята не живут»; «По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут» и т. п.

Отдельно, кроме календаря, по которому строится годовое время, можно говорить об обрядовом времени (то есть о временной организации обряда), которое воспринимается как разрыв обыденного, земного времени и прорыв в сакральное, вечное время. Сакральное время – время праздника, жертвоприношения, это воспроизведение мифа, связанного с возвращением «изначального» времени. Однако, по мнению С.М. Толстой, цикличность мифологического времени – не просто следование природным, солнечным, лунным, вегетативным циклам (времена года, фазы луны, суточное время, периоды роста и созревания растений), так как линейное время (историческое, жизненное) в традиционной культуре постоянно преобразуется в циклическое и вовлекается в круговорот «вечного возвращения» [2, с. 62].

В пословицах и поговорках, выражающих народное представление о временных категориях, в частности о начале и конце, не только раскрывается значение цикличности всего происходящего и сакрализуется начало, не просто отражается религиозный смысл этих понятий или ритуальность, в них заключённая. На первый план выступают философский характер размышлений о времени, так называемая народная житейская му-

дрость, которая формировалась веками, и морально-нравственная оценка, составляющие содержательную и жанровую основу этого вида народного творчества. «Начало – конец» – так подразделяется и называется цикл пословиц у В.И. Даля (следует заметить, что полярность в формулировках названий и других разделов последовательно прослеживается в его сборнике). Начало и конец тесно связаны в сознании русского человека: «Где не было начала, не будет и конца». Началу придаётся особое значение, оно получает качественную оценку – положительную или отрицательную: «Лиха беда начало», «Голова хвоста не ждёт», «Доброе начало – половина дела» и «Плохое начало, что не видать конца», «Плохое начало – и дело стало», однако любое дело оценивается по его результату, концу: «Не смотри начала, смотри конца», «Не хвались отъездом, хвались приездом», «Не верь началу, а верь концу», «У всякого словца ожидай конца!», «Начиная дело, о конце помышляй!» Параллельно началу и концу оцениваются и утро – вечер, весна – осень: «Красному утру не верь!», «Зови (Хвали) день по вечеру», «Весенней озими в засек не сыплот».

Аксиологически понятия начала и конца перестают быть равными и начинают противопоставляться, но не полярно, как положительное – отрицательное, а по более сложной качественной шкале: «Начало трудно, а конец мудрен», поэтому важно такое назидание: «Умел начать, умеи и кончать!», так как всё же «Конец – делу венец!». Другая сторона этих «взаимоотношений» – неизбежность, неотвратимость конца в самом широком смысле слова: «Долго ли, скоро ли, а всё будет конец», «Сколько веревку ни вить, а концу быть». В итоге же: «Дело середкой крепко», «Середка всему делу корень».

Применительно к жизни человека понятия начала и конца связаны с характеристикой такого процесса, закономерный ход которого ведет к его самоотрицанию, к переходу в его противоположность, поэтому главными координатами на жизненной оси являются жизнь и смерть (время, оцениваемое положительно и отрицательно). Народные представления о времени образуют определенную, строго организованную систему понятий, ценностных ориентиров, и в основе её лежит кардинальная оппозиция «жизнь – смерть»: представление о временной протяженности, изменчивости, движении жизни и о безвременье, неизменности, неподвижности, смерти. Время – категория, свойственная этому, здешнему миру, миру живых; в потустороннем мире времени нет – он неподвижен и неизменен.

Между понятиями жизни и смерти (как начала и конца) есть и определённое сходство, прежде всего близость дистанционная: «Промеж жизни и смерти и блошка не проскочит», «Сядни жив,

а завтра – жил». Жизнь как таковая представляет собой лишь маленький промежуток «между» (известно выражение «между жизнью и смертью»). Однако за этим стоит не столько близость реального расстояния, сколько складывающееся с годами представление о краткости жизненного срока. Качественная же характеристика сходства скорее носит отрицательный оттенок: «Жить плохо, да ведь и умереть не находка». В основе такой оценки лежит понимание как неизбежности конца, так и необходимости дойти до него: «Зажит век, как-нибудь доживать надо», «Тяжёл крест, да надо несть», «Как ни вертись, а в могилку ложись». В целом тональность таких высказываний далека от оптимистической при характеристике отведённого человеку времени жизни. Как должное предлагается принять и то и другое: «Жить надейся, а умирать готовься!», «Живи надвое: и до веку, и до вечера» (т. е. будь готов). В русском языковом сознании жизненное время («век») отмерено, предопределено судьбой и должно быть прожито в соответствии с предназначенной человеку долей: «Что было, то прошло; что будет, то придёт», «Жили люди до нас, будут жить и после нас», «Наперёд не угадаешь, кому по ком плакать». Можно сказать, в пословичном материале отразилось философское, житейски мудрое отношение русского человека к бренности жизни, неизбежности смерти, закономерности течения времени от сегодняшнего к завтрашнему дню, от начала к концу.

Аксиологический аспект вопроса, представленный в пословичном творчестве народа, свидетельствует о том значении, которое придавалось памяти в жизни человека: «Дай бог память!», «Не будь грамотен, будь памятен!», «Не будь тороплив, будь памятлив!», «И бестолков, да памятлив», «По старой памяти, что по грамоте». Однако помнить, считал русский человек, не всегда хорошо, что-то необходимо и забывать: «Добро помни, а зло забывай», «Не поминай лихом, а добром – как хочешь!», «Кто старое вспомнёт, тому глаз вон». Память и забвение как антонимы всегда были рядом в сознании и переживаниях человека, поэтому данная антиномия органично вплеталась в тему жизни и смерти, начала и конца, широко представленной в русских пословицах.

Восприятие времени человеком в целом всегда носило антропоморфный характер, понятия времени и жизни были слиты. Сельское время не событийное (люди ещё не овладели природой и подчиняются её ритму), а оппозиции день – ночь, лето – зима имели этническую окрашенность («День во грехах, а ночь во слезах»; «Помни это: зима не лето!», «Лето собирает, а зима поедает»). Весна связывалась с периодом до сбора урожая, а зима с завершением сельскохозяйственных работ, умиранием природы. Идея исторического времени тоже осознавалась в антропоморфных

категориях. Неслучайно популярность получила концепция всемирно-исторических эпох как возрастов человечества.

Событийность времени также неотделима от его антропоморфного восприятия, время выступает в роли действующего субъекта, отсюда и предикаты с глаголами движения: время наступило, настало, подходит, пришло, приближается, близится, истекает, кончилось и т. п., оно может бежать, лететь, тянуться, остановиться и т. д. Или фразеологизмы: «время покажет», «время не ждёт», «время терпит». То же антропоморфное качество времени отражено в пословицах В.И. Даля: «Время разум даёт»; «Придёт время – все лягут в могилку»; «Время краску с лица сгоняет»; «Время деньги даёт, а на деньги времени не купишь»; «Время красит, а безвременье чернит»; «Время придёт и час пробьёт» и т. д. Время одухотворялось и приобретало власть над человеком: «Не человек гонит, а время»; «Не живём, дни провожаем»; «Не ты смерти ищешь, она сторожит».

Для русских пословиц характерно противопоставление доброго старого времени молодому, новому: «Прежде жили – не тужили; теперь живём – не плачем, так ревём», «Нового счастья ищи, а старого не теряй», «Много нового, да мало хорошего», «Все по-новому, а когда ж по-правому», «Новых друзей наживай, а старых не теряй», «Как жили деды да прадеды, так и нам жить велели», «Старое добро и во сне хорошо», «Пускай будет по-старому, как мать поставила». Были в этом ряду и исключения: «От ветоши, от старых дураков и молодым житья нет», «Старые дураки молодых со свету сживают», «Поминать старое – шевелить костями». Диалектика обновления не чужда достаточно консервативному миропониманию славянина.

Среди темпоральной лексики, кроме слова «век», встречались и другие качественные лексемы, которые не только выполняли функцию измерителей времени, но и, особенно в контексте, получали аксиологическое осмысление. Например, «год» семантически первоначально означал не столько «время вообще», сколько «случай, повод, событие, срок, подходящее время». Оценочность придаёт значению этого слова, например, суффикс -ина- («ознаменованное время»). У В.И. Даля встречаем, кроме слова «год» и наиболее распространённых однокоренных «година», «годить», эмоционально окрашенные словообразования: «годища» («Экой годища, двенадцатый год!»), «годишка» («Такой плохой годишка выдался, что беда»), а также много других производных: годовой (в четырёх значениях), годичный, годинный, годоватый, годовик, годованье, годовальщик и др., многие из которых сегодня вышли из употребления. Высшей ступенью семантического развития слова «год» можно считать появление метафори-

ческих сочетаний «круглый год», «чёрный год» (бедственный), «красные годы» (счастливые).

Контекстуальная зависимость слова «лето» привела к контекстно-стилистическому его употреблению при обозначении даты или человеческой жизни (ср. «лета» в художественной, поэтической речи: «на склоне лет», «в мои лета»). Уже в памятниках раннего периода были замечены прилагательные-антонимы с семой «лето»: малолетний – многолетний – долголетний = «длительный – недлительный (кратковременный)», как и «долговечный – недолговечный», «старый – молодой». Русскую ментальность характеризуют и такие пословицы, связанные с летом: «Красное лето никому не надокучило», «Русская кость тепло любит». Лето, выражая прежде всего крестьянский, деловой подход к этому сезону, часто противопоставляется другим временам года: «Летний день – за зимнюю неделю», «Лето собирает, а зима поедает», со знаком минус в этом смысле выступает весна: «Корми меня в весну, а в осень и сам сыт буду», «Красна весна, да голодна», «Весна цветами красна, осень снопами» – в основу их качественной характеристики как «сельскохозяйственных» сезонов положена оценка с точки зрения пользы.

«Час» может реализовать идею мгновенности в устойчивых оборотах: «час настал», «пробил час», «с часу на час», а также другие значения, присущие лексеме, например во фразеологизмах «битый час», «час от часу не легче», «не по дням, а по часам», «не ровен час» и др. Качественную дифференциацию придают слову такие определения, как: «мёртвый час», «звёздный час», «смертный час», «в добрый час», «свой час» = срок.

Наиболее актуальным временным отрезком для современного русского языкового сознания считается «день» – весенний, светлый, солнечный, длинный, тяжёлый, потом идут неделя, год, месяц, час. День как слепок жизни, он описывает мир внешний: природный (светлый, солнечный), социальный (рабочий, безрезультатный), возрастной, – то есть является выразителем некоего «вещного» плана жизни. А такие понятия, как «час», «миг», «минута», «момент», проецируют события на внутренний мир – душевный, духовный, представляемый; в системе внутренних спецификаторов именно они предназначены для описания ментального плана жизни» [1, с. 78]. В качестве примеров могут служить выражения «миг счастья», «миг удачи», «момент истины», «минута молчания» и другие.

Словом «день» отмечено обычно все доброе и светлое (хотя есть и «чёрные дни»), что подчёркивается в контекстах («светло, как в ясный день, как днём»), особенно в противопоставлении ночи: «днём тихо, ночью лихо», «коли день хвалить, так ночь бранить». Но в пословицах, как уже не впер-

вые замечено, все не так однозначно, категорично и тем более полярно (как на ранних стадиях развития русской культуры): «и темна ночь не на век», а бывает и «день темен, так ночь красна».

Само слово «день» является метонимической заменой слова «сутки». Отсюда обилие фразеологизмов: «изо дня в день», «со дня на день» и т. п. Во множественном числе слово «день» приобретает в устойчивых словосочетаниях дополнительные значения: бывают «долгие дни» (длительность), «дни сочтены» (счёт) или «окончить свои дни» (конец). Но в них важно не только указание через контекст на разные количественные характеристики, но и сама форма выражения долготы, краткости или конца отведённого жизненного срока. Мера времени получает образное выражение и в таких устойчивых оборотах: «до конца дней», «на закате (склоне) дней» «по гроб дней» и т. п. Все периоды следования в цикле «день» («утро», «ночь», «вечер», «полночь») в современном русском языке имеют ярко выраженную качественную окраску, обусловленную явлениями природы, и они полисемантичны: большинство употребляется в переносном значении.

«Время» рассматривается как качественная лексема, как «другое название для жизни», которое имеет для русского сознания и обратный эффект: жизнь описывается в терминах времени (минута, миг, мгновение, момент – как единицы трех моделей времени = жизни). Эти слова чутки к «качественным» нюансам времени именно в русском языке. Оформившееся к настоящему периоду функциональное размежевание близких по смыслу слов (время/пора; сегодняшний/нынешний; теперь/нынче; прошедший, минувший / прошлый, прежний; в дальнейшем / впредь) отражает различное понимание самого времени носителями языка. Тема частного человеческого существования у «минуты», «одухотворенность» у «мгновения» – факты русского языкового сознания, и вообще концептуализация времени по параметру «качество» является чертой славянского языкового мышления [3, с. 194–195].

Выводы и перспективы дальнейших исследований в этом направлении. Многие учёные отмечают, что для русского языкового сознания свойственно восприятие времени скорее как плавного течения (в крайнем случае, неторопливой поступи), чем быстрого бега или полета, ссылаясь на распространенное мнение побывавших за границей людей, в основе которого сравнение ритма и темпа жизни разных народов: в России время течет медленнее, чем в Европе, но быстрее, чем на Востоке. Но и большинство русских, даже тех, кто не имеет возможности сравнивать себя с другими народами, ощущают особость течения времени, в котором они живут. Именно этим объясняет Ф.Ф. Фархутдинова использование в их речи та-

ких своеобразных единиц измерения времени, как русский час, московский час, русский месяц, деревенский месяц и др. Временная расплывчатость русского часа нашла отражение и в паремиологическом материале, который усиленно акцентирует внимание на его особой, неопределенной протяженности: «Русский час долог»; «Русский час – всё сейчас»; «В русский час много воды утечет (сейчас)»; «Русский месяц – со днём тридцать (а немецкому и кона нет)»; «Русский час – десять, а немецкому и кона нет»; «Подожди с московский час»; «Русский месяц подождёт»; «Деревенский месяц – с неделей десять» [4, с. 83].

Подтверждением тому может стать и материал пословиц, раскрывающий отношение русского этноса к «течению времени». Действительно, такое топологическое и как будто индифферентное свойство, как скорость времени (больше количественная характеристика), получает качественную оценку, предстает в сознании русского человека и в народном опыте аксиологически маркированным: «Тише едешь – дальше будешь», «Поспешись – людей насмешись», «Скорого дела не хвалят», «Скороспелка до поры загнивает», «Наскоро делать – переделывать», «Прытко бегает, так часто падают», «Не торопись отвечать, торопись слушать!», «Всего вдруг не сделаешь», «Не под дождём: постоим да подождем», «Быстрая лошадь скорее станет», «Тонко прясть – долго ждать», «Родился – не торопился, а теперь незачем», но в то же время: «Спешить не спеши, а поторапливайся», «Часом опоздано, годом не поверстаешь», «Скоро бегут, так задних не ждут». Поэтому в русском языке появились и такие словосочетания, как «сломя голову», «очертя голову», «без оглядки», «во все лопатки», «гнать в хвост и в гриву», «дуй во всю ивановскую» и подобные. Они тоже характеризуют особенности русского национального характера: его противоречивость, наличие прямо противоположных черт. С одной стороны, большое количество пословиц со значением «не надо торопиться» указывает на особенности русского национального менталитета («Русский час долог», «Русский час – всё сейчас»), а с другой – они практически все содержат философский подтекст: всему отпущен свой срок, всему наступит свое время: «Не торопи умирать, дай состариться!», «Не отлагает свет заутрени, ни тьма вечерни», «Постой, холостой, дай подумать женатому!», «Солнце пригреет – все поспеет», «Пора пройдет – другая придет». Некоторые дидактические суждения приобрели смысл и форму примет: «Торопиться жить – скоро умереть», ведь все неизбежно и предначертано заранее, задано вечным циклом: «Сколько ни куковать, а к зиме отлетать».

В современных исследованиях языкового времени учёные чаще всего ведут семантический

анализ языковых единиц, опираются на материал темпоральной лексики (порой вне контекста), но полноценное выражение время, будучи элементом языковой картины мира, получает в образе как целостностном представлении о времени, нашедшем отражение в языке [5]. Именно устойчивые словосочетания, пословицы, фразеологизмы помогают создать такое представление о времени

в русской культуре, точнее и полнее характеризуют время как лингвокультурологическую категорию.

Перспективой дальнейших исследований в данном направлении является анализ паремиологических материалов в его связи с лексическими единицами в далевском «Толковом словаре живого великорусского языка».

Литература

1. Логический анализ языка: Язык и время. – М. : Индрик, 1997. – 351 с.
2. Толстая С.М. Аксиология времени в славянской народной культуре / С.М. Толстая // История и культура. – М. : Изд-во ИСБН, 1991. – С. 62–66.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.
4. Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости / Ф.Ф. Фархутдинова. – Иваново : Изд-во «Ивановск. гос. ун-т», 2000. – 204 с.
5. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира / Л.Н. Михеева. – Иваново : Изд-во «Ивановск. гос. ун-т», 2003. – 252 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа : сборник / В.И. Даль. – Изд. 4-е. – М. : Рус. яз. ; Медиа, 2009. – 814 с.